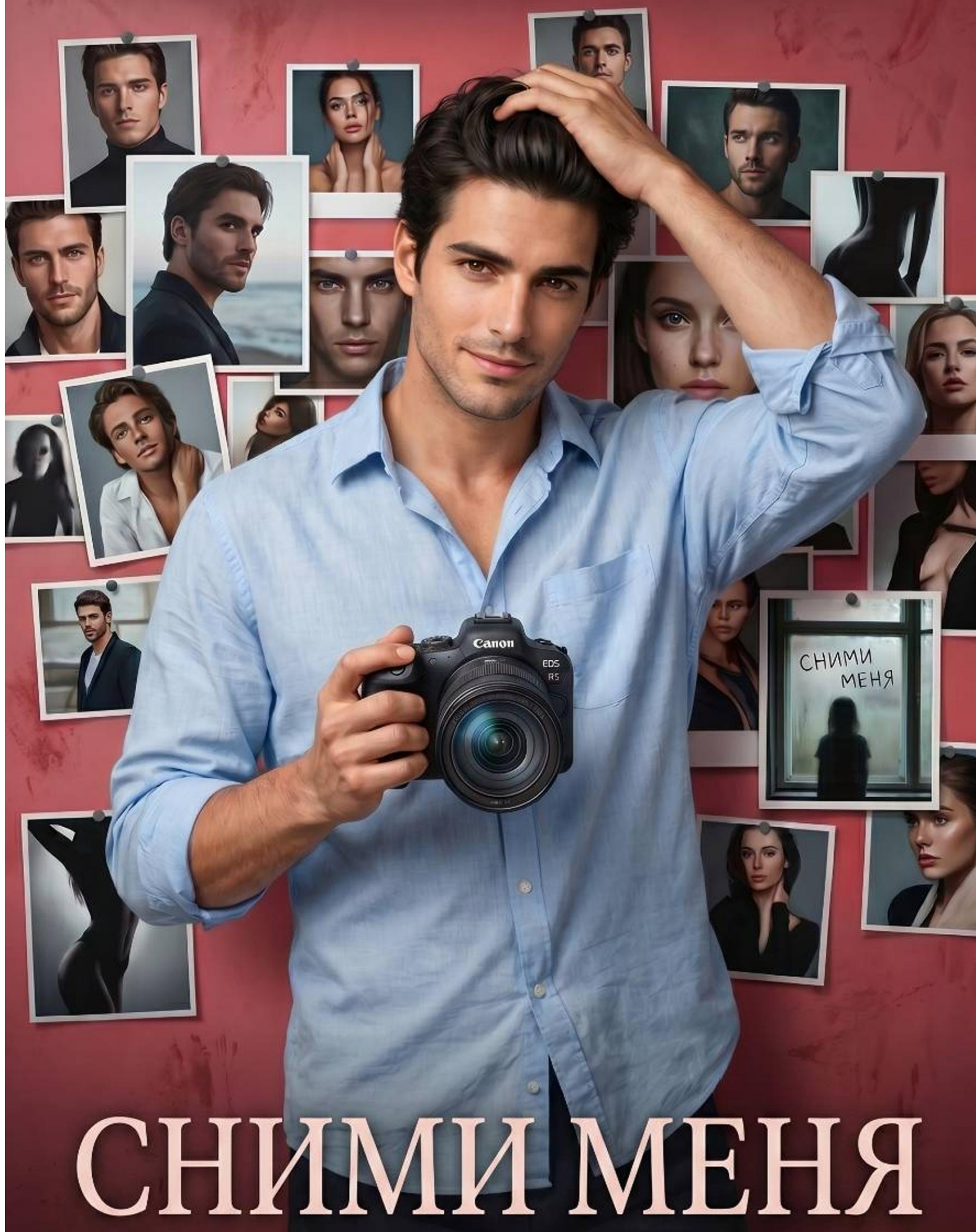

МАРИНА ХАМИЦЕВИЧ

СНИМИ МЕНЯ

Семиреченск. Семь грехов

Марина Хамицевич

Сними меня

«Автор»

2026

Хамицевич М.

Сними меня / М. Хамицевич — «Автор», 2026

Фотограф Денис Жаров умеет делать людей красивее, чем они сами решаются быть. Один взгляд, одна фраза, один щелчок камеры – и чужая уязвимость уже превращается в искусство, которое принадлежит ему. Новый заказ кажется подарком: снять заброшенный санаторий «Ласточка» перед продажей. Атмосферные стены, старые лестницы, свет из выбитых окон – идеальная площадка для громкой серии. Но на снимках появляются кадры, которых Денис не делал. В отражениях мелькают детские лица, в метаданных стоят невозможные даты, а на стекле проступает надпись: **«Сними меня»**. Когда в «Ласточке» его бывшая муза, Денису придётся выбрать: сделать лучший кадр в своей жизни или впервые увидеть перед собой не образ, а живого человека. Потому что санаторий помнит, как маленького мальчика учили смотреть так, чтобы другие подчинялись его желанию.

© Хамицевич М., 2026

© Автор, 2026

Марина Хамицевич

Сними меня

Глава 1

Пролог. НЕ МОРГАЙ

Летом в «Ласточке» пахло не морем и не соснами, как обещали родителям в буклетах, а нагретым линолеумом, хлоркой из душевых и манной кашей, которую выносили из столовой огромными алюминиевыми баками.

Утром солнце било в высокие окна второго корпуса так ярко, что на побеленных стенах отсвечивали ровные квадраты света. В коридорах не умолкал детский гул — кто-то бегал после завтрака, кто-то спорил из-за мяча, где-то хлопали двери, пищал чей-то смех, тонкий и пронзительный. Но в комнате на втором этаже, куда по одному и парами заводили детей, было заметно тише.

Здесь тоже пытались сделать всё по-детски.

На подоконнике стояли бумажные вертушки, которые почти не двигались, несмотря на открытые окна. На стене висел плакат с улыбающимся солнцем и неровной надписью: «Смотри в будущее смело!» В углу лежал коврик с выцветшими геометрическими фигурами. Только штатив у стены, камера, зеркало в темной раме и двое мужчин в светлых халатах плохо вязались с этим уютом.

Детей в комнате было семеро.

Пятеро сидели на маленьких стульях в ряд. Позади — высокий мальчишка с таким выражением лица, будто его уже смертельно утомили все вокруг, и тихая девочка с мышинного цвета косой. Справа, на самом краю, сидел ещё один мальчик — в тёмной футболке, с худыми коленями, обтянутыми в неудобные штаны и внимательным, слишком собранным для его возраста взглядом.

Он сам выбрал этот стул.

Так, как ему казалось, было лучше видно остальных.

— Сейчас просто поиграем, — сказала воспитательница, поправляя камеру. — Это не больно, не страшно и совсем недолго. Кто молодец, того потом сфотографируют красиво. Как на документы. Или даже лучше.

Голос у нее был мягкий, ласковый. Она умела говорить успокаивающе.

Один из мужчин у окна что-то записал.

Второй стоял, опираясь ладонью о подоконник, и молча смотрел на детей поверх очков.

— Задача простая, — продолжила воспитательница. — Смотреть в объектив. Прямо сюда. Не на меня. Не друг на друга. Не в зеркало. В объектив. И не моргать.

Самый младший мальчик тут же нервно облизнул губы.

Девочка с тугой косичкой втянула голову в плечи и сильно сжала кулаки.

Высокомерный болван за спинами сидящих закатил глаза так выразительно, будто хотел всем показать, что это ерунда для детского сада.

Тихая девочка рядом с ним посмотрела в сторону.

А мальчик справа чуть подался вперёд.

Ему действительно было интересно.

Камера была настоящая. Не как воспитательницы, которые то сюсюкали, то срывались, то делали вид, будто замечают всё, хотя половину не видели. Камера не притворялась. Она просто смотрела. И если смотреть на неё в ответ достаточно долго, происходило что-то странное:

сначала хотелось моргнуть, потом засмеяться, потом вдруг становилось щекотно в груди, как перед линейкой, когда все стоят, а ты знаешь про себя что-то такое, чего другие пока не поняли.

– Спинки ровно, – сказал фотограф. – Взгляд в камеру. Легкая улыбка приветствуется. Мы никому ничего не доказываем. Мы просто делаем красивое фото.

– Повторите, – негромко сказал мужчина у окна.

Он не обернулся.

– Мы никому ничего не доказываем, – послушно повторил фотограф. – Мы просто нравимся.

Мужчина записал это в блокнот.

Мальчик на крайнем стуле заметил и прищурился едва-едва, почти незаметно.

Вот это было самым любопытным.

Не сама камера.

Не игра.

Не даже зеркало.

А то, как взрослые следили за каждым словом, как будто здесь происходило что-то важнее тихого часа и кружка по выжиганию.

– Начали, – сказала фоспитательница.

Щелкнул затвор.

– Считаем до пяти. Про себя. Кто моргнет — начнёт заново.

Девочка с косичкой моргнула почти сразу.

Самый младший заулыбался так широко, что всё лицо смялось гармошкой.

Высокий мальчишка не выдержал на третьей секунде и фыркнул.

Тихая девочка вообще смотрела чуть левее камеры, будто не решалась встретиться с ней взглядом.

А мальчик справа сидел беспокойно. Он не мог просто смотреть в камеру. Это скучно.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Пять.

Не потому что был самым послушным.

А потому что понял: интереснее не просто выдерживать. Интереснее смотреть, как ломаются другие. Как кто-то первым отводит глаза. Как воспитательница чуть мягче улыбается именно тебе. Как мужчина с блокнотом перестаёт писать и поднимает голову.

Вот это и было самое приятное.

– Очень хорошо, – сказал фотограф.

Сказал вроде бы всем, но смотрел на него.

Он заметил.

И тут же, почти не меняя лица, перевёл взгляд на девочку с косичкой.

Та смутилась и опустила глаза.

Потом — на высокого мальчишку. Тот нахмурился.

Потом — на тихую девочку. Она покраснела и так быстро отвернулась, будто в ней что-то щелкнуло.

Мальчик снова посмотрел в объектив.

И чуть заметно улыбнулся.

Один из мужчин быстро записал что-то в блокнот.

– Ещё раз, – сказал второй.

– Конечно. Теперь расслабьтесь, – отозвался фотограф. – Смотрим в объектив и держим улыбку. Легкую. Вспомните что-то хорошее.

Самый младший опять не понял и оскалился.
Девочка с косичкой дернула плечом.
Высокий мальчишка презрительно хмыкнул.
Тихая девочка, кажется, едва не заплакала.
А мальчик справа подумал, что это вообще-то легко.
Надо только представить, что ты уже знаешь про человека перед собой что-то хорошее.
Тогда он смотрит внимательнее. Проверено.
Он выдержал снова.
И еще раз.
И еще.
После четвертого круга воспитательница подошла к нему и присела на корточки.
– Не устал?
Он покачал головой.
– Молодец. Ты очень хорошо справился.
Слова были взрослые, непонятные до конца, но интонация ему понравилась. Так хвалят не просто за послушание. Так хвалят за что-то особенное.
– А можно посмотреть, что получилось? Как они смотрят? – спросил он.
Воспитательница на мгновение замерла.
Мужчина у окна поднял голову.
– Кто — они? – мягко спросила она.
Мальчик пожал плечами.
– Остальные.
Тот, что писал, быстро перевернул страницу.
Второй подошёл ближе. От него пахло табаком и мятной конфетой.
– Зачем тебе? – спросил он.
Мальчик подумал и честно ответил:
– Интересно.
В комнате стало очень тихо. Из открытой форточки тянуло жаром, запахом пыли и далёким визгом ребят с площадки. Где-то во дворе ударили по волейбольному мячу, и от этого обычного лагерного звука тишина внутри показалась еще плотнее.
Воспитательница улыбнулась чуть мягче прежнего.
– Мы потом это обсудим, – сказала она. – А сейчас сделаем красивый кадр. Последний. Все сели ровно. Подбородки выше. Спинки прямо.
Она быстро посадила детей.
Пятерых — на стульчики.
Высокомерного мальчишку и тихую девочку снова оставила позади, как второй план.
Мальчик в тёмной футболке снова оказался справа, на самом краю.
Он сам чуть сдвинул стул.
Так было лучше видно всех.
– Не моргать, – сказала воспитательница.
– Не двигаться, – добавил мужчина с блокнотом.
– Смотреть прямо.
Щелкнул затвор.
В последний миг мальчик справа улыбнулся на долю секунды раньше, чем его попросили. Совсем немного.
Но достаточно, чтобы испортить ровный «правильный» кадр.
Фотограф опустил камеру.
– Рано, – сказал он спокойно. – Еще раз.
Он кивнул, а внутри уже шевельнулось новое, острое чувство.

Ему понравилось, что из-за него всё пришлось повторить.

Еще сильнее понравилось, что взрослые это заметили.

Второй кадр.

Третий.

На четвёртом он уже сидел неподвижно, очень прямо, и смотрел в объектив так, будто камера принадлежала ему.

Мужчина с блокнотом негромко произнес:

– Зафиксируйте. Реакция на внимание выраженная. Не идёт в смущение. Идёт в усиление.

– Да, – ответил второй. – И быстро считывает эмоциональный отклик группы.

Фотограф выпрямился.

Теперь он смотрела на мальчика иначе — точно, оценочно.

– Перспективный, – сказал он.

Он не понял слов. Но понял главное: сейчас все смотрели только на него.

И это было приятно.

После съемки детей не отпустили сразу. Их оставили сидеть тихо, пока взрослые переговаривались у окна. Самый младший уже тёр глаза. Девочка с косичкой теребила край своей скучной юбки. Высокий мальчишка раздраженно постукивал пяткой по ножке стула. Тихая девочка замерла так неподвижно, будто надеялась стать незаметной.

А мальчик справа всё ещё смотрел на камеру.

Теперь, когда его уже никто не просил.

Прямо.

Спокойно.

С интересом, в котором для ребёнка было слишком мало робости.

Один из мужчин вдруг обернулся и поймал этот взгляд.

На мгновение взрослому человеку стало не по себе.

Потому что мальчик смотрел не снизу вверх и не с детской доверчивостью.

Он смотрел так, будто уже понял одну важную вещь раньше них всех: если на тебя смотрят достаточно долго, рано или поздно можно начать управлять тем, что видят другие.